

На правах рукописи

**Данилова Надежда Юрьевна**

**Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова  
(на материале произведений 1860 – 1880-х гг.  
об иностранцах и инородцах)**

Специальность 10.01.01–10 – русская литература

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2011

Работа выполнена в Отделе новой русской литературы  
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

**Научный руководитель:** доктор филологических наук  
Горелов Александр Александрович

**Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор  
Столярова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент  
Озерова Наталия Ивановна

**Ведущая организация:** Российский государственный педагогический  
университет им. А. И. Герцена

Защита состоится «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2011 года в 14 часов на заседании совета Д 002.208.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета  
кандидат филологических наук

С. А. Семячко

## Общая характеристика работы

Возросший интерес к творчеству Н. С. Лескова в отечественном и зарубежном литературоведении, наблюдаемый с начала 90-х гг. XX в., с одной стороны, привел к появлению множества исследовательских работ о творчестве писателя, с другой же стороны, выявил неизученные вопросы. Они связаны не только с неатрибутированными или неопубликованными текстами Лескова, но и с произведениями, включенными в собрания сочинений 1956 – 1958 гг. и 1989 г. Наряду с некоторыми другими, недостаточно исследованы не образующие единого цикла, но связанные единством проблематики и особенностей поэтики произведения Лескова 1860 – 1880-х гг. об иностранцах и инородцах: евреях, немцах, поляках, англичанах, татарах и др.

Так называемый «национальный вопрос» в творчестве Лескова относится к одному из наиболее сложных для интерпретации. Немногочисленные попытки анализа произведений Лескова об иностранцах и инородцах приводят исследователей к прямо противоположным выводам. Различные мнения высказываются о том, как именно писатель оценивал представителей различных национальностей, был ли он как личность, гражданин «интернационалистом» или имел национальные «предрассудки». Современники Лескова (Ф. Ф. Фидлер, Г. И. Богров) и позднейшие исследователи (В. В. Водовозов, Д. О. Заславский, С. Г. Левин, К. Лантц и др.) отмечают в таких произведениях, как «Ракушанский меламед», «Жидовская кувырколлегия», «Железная воля», «Колыванский муж» и др., предвзятое отношение, открытое выражение неприязни к евреям и немцам. С другой стороны, критики XIX – начала XX в. А. И. Введенский, Р. И. Сементковский, Ю. И. Гессен, а также исследователи XX в. Л. А. Аннинский, А. Миндлин и др. говорят о беспристрастности, толерантности, справедливости Лескова в отношении к русским, евреям, немцам, полякам. Г. Сафран, В. Эджертон, Х. Маклин, М. Я. Вайскопф выделяют два периода в творчестве Лескова: период «антисемитских предубеждений» и период оценки евреев с гуманистических позиций. При этом в большинстве литературоведческих работ

произведения Лескова об иностранцах и инородцах рассматриваются в аспекте идеологической проблематики.

**Актуальность работы.** Настоящая работа имеет существенное значение для исследования творчества Лескова, поскольку здесь рассматриваются малоизученные произведения писателя об иностранцах и инородцах, основное внимание при этом уделяется практически неисследованным вопросам поэтики данной группы произведений (анализу повествовательной и мотивной структуры текста, анализу металитературного пласта содержания произведения). Таким образом, диссертационное исследование позволит восполнить существенный пробел в изучении творчества Лескова.

В работе рассматриваются интертекстуальные связи произведений Лескова с сочинениями других писателей, а также историков, фольклористов и философов XIX в. Интертекстуальный анализ позволяет не только более глубоко раскрыть содержание рассказов и повестей об иностранцах и инородцах, но и дает новый материал для изучения различных межтекстовых связей в литературе второй половины XIX в.

В диссертации в центре внимания находятся приемы создания в произведении художественного диалога «своего» и «чужого». Таким образом, в теоретическом плане исследование способствует решению важной проблемы современного литературоведения – проблемы развития связанной с работами М. М. Бахтина традиции осмысления и описания произведения литературы в свете философии диалога XX в.

Кроме того, в работе рассматривается отражение в произведении такой категории средневековой ментальности, как оппозиция «своего» / «чужого». Междисциплинарное направление исследований, связанное с изучением ментальности, имеет множество нерешенных проблем, одна из которых – соотношение ментальности и культуры, ментальности и высокой литературы (поскольку большинство историков ментальности имеет дело с фактами бытовой культуры, культуры большинства). В данной работе Лесков представлен в трех аспектах авторства – как исследователь русской ментальности (отношения к «чужим»), как автор биографический, носитель

определенного комплекса неосознанных представлений, связанных с восприятием иноземцев как «чужих», и как автор творящий, использующий такое отношение к иноземцам для художественного воплощения диалога «своего» и «чужого». Настоящее исследование дает необходимый материал для изучения способов проявления ментальности в художественном тексте, сложного взаимодействия ментальности и художественности.

**Степень разработанности проблемы.** Диалог «своего» (русского) и «чужого» (нерусского) в творчестве Лескова относится к области неизученных проблем творчества писателя. Специальных исследований, посвященных произведениям Лескова об иностранцах и инородцах, немного, и лишь некоторые из них связаны с изучением особенностей поэтики, авторы исследований сосредоточили основное внимание на идеологической проблематике. Собственно литературу, художественные образы иностранцев и инородцев идеологическое литературоведение считает «призмой» (А. В. Кузьмин) или «увеличительным стеклом» (Г. Сафран), позволяющим писателю критиковать русское общество, Православную Церковь, общественные порядки и т. д. З. Р. Саитова рассматривает произведения Лескова об иностранцах и инородцах как изучение национального характера, не учитывая того, что в произведениях Лескова образы иностранцев сами даны сквозь «призму» («увеличительное стекло») сознания рассказчиков.

Многие лесковеды (А. А. Горелов, Б. С. Дыханова, В. Е. Хализев) отмечают, что главная задача сказа Лескова – изображение сознания, но не всегда делают акцент на том, что это пласт неосознанных представлений и автоматизмов сознания (ментальность). Некоторые авторы указывают на то, что восприятие рассказчиков подчинено «мифологемам традиционного сознания» (О. Е. Майорова), рассказчики – «жертва менталитета» (К. А. Гримстад), однако не рассматривают художественных функций введения «мифологем традиционного сознания» в художественный текст.

О. В. Евдокимова более глубоко исследует отражение ментальности в произведениях Лескова, однако останавливается лишь на случаях принятия авторским и читательским сознанием ментальных установок. Необходимо же

анализировать и случаи дистанцирования от них, преодоления ментальных стереотипов в произведениях писателя.

В немногих литературоведческих работах, посвященных анализу художественных особенностей произведений Лескова об иностранцах и инородцах, рассматриваются такие аспекты поэтики, как художественный хронотоп (О. Е. Майорова), роль библейских цитат и аллюзий (Г. Сафран, О. А. Меерсон), соотношение художественного образа и этнических стереотипов (Д. Б. Гудков). Другие аспекты поэтики практически не изучены. Так, не рассмотрены в целом многочисленные (не только библейские) цитаты и реминисценции в указанных текстах, не определена их художественная функция; не изучены средства выражения собственно авторской позиции: поэтика заглавия, роль эпиграфа, композиция, мотивная структура и др. (исключения – работы Г. Сафран, О. А. Меерсон и О. В. Евдокимовой о рассказе «Владычный суд»). Кроме того, не изучен актуальный историко-культурный контекст этих произведений, учет которого позволит обнаружить в произведениях Лескова не только общественно-идеологическую проблематику.

Справедливое указание Д. Б. Гудкова на связь образов иноземцев в произведениях Лескова с этническими стереотипами требует уточнения, поскольку построенный с помощью стереотипов образ оказывается в произведении Лескова динамичным, этнические стереотипы преодолеваются. Кроме того, стереотипные представления рассказчиков и персонажей Лескова не изучены в отношении их специфики: насколько они соответствуют реально существующим этническим стереотипам, был ли Лесков в этом отношении только «секретарем своего времени» или его художественная модель восприятия иноземцев традиционным сознанием имела определенные особенности.

Практически не исследована работа Лескова с источниками, несмотря на то, что лесковедами (например, И. Н. Минеевой) проанализированы другие случаи использования писателем литературных источников. Если в отношении некоторых произведений об иностранцах и инородцах такие источники

указаны (в работах Г. Сафран, Б. Я. Бухштаба), то не изучены в целом особенности обработки Лесковым этих исходных материалов.

Диалогичность произведений Лескова оказывается также практически не изученным феноменом, несмотря на употребление понятия «диалог» в работах, посвященных творчеству Лескова (в исследованиях О. Е. Майоровой, Г. В. Сепик, П. К. Каццолы, О. В. Евдокимовой, Н. Г. Авдеева, А. П. Власкина, В. А. Туниманова), с одной стороны, и активное взаимодействие и взаимовлияние теории литературного произведения и философии диалога в XX – начале XXI в., с другой стороны. Понимание диалога как общения (различных персонажей, рассказчика и повествователя, Лескова и других авторов), характерное для большинства работ о творчестве Лескова, не раскрывает специфики проявления диалогичности в произведениях писателя. Напротив, содержательное понимание диалога вообще и диалога культур, диалога «своего» и «чужого» в частности, позволит не только раскрыть художественные приемы диалогического разрешения противопоставления «своего» и «чужого», но и рассмотреть специфику философского и металитературного пласта содержания в произведениях Лескова об иностранцах и инородцах.

**Объектом исследования** являются повести и рассказы Н. С. Лескова об иностранцах и инородцах: «Язвительный» (1863), «Островитяне» (1866), «Очарованный странник» (1873), «На краю света» (1875), «Железная воля» (1876), «Ракушанский меламед» (1878), «Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)» (1881), «Жидовская кувырколлегия» (1882), «Колыванский муж» (1888).

В творчестве Лескова образы иностранцев и инородцев присутствуют во многих произведениях, но не во всех эти образы соотносятся с представлением об иностранце как о «чужом». В круг нашего рассмотрения вошли только те произведения писателя, где присутствует характерный субъект речи (рассказчик или личный повествователь с признаками рассказчика), в восприятии которого иностранец или инородец выступает не столько как уникальная в своем роде личность или конкретный представитель

определенного этноса, сколько как «чужой», то есть мифологизированное существо, наделяемое устойчивым набором отрицательных качеств. Поэтому в настоящей работе не рассматриваются специально, во-первых, произведения большой формы (романы «На ножах», «Некуда», «Соборяне», «Чертовы куклы», «Соколий перелет», повесть «Обойденные»), в которых нет фигуры рассказчика или личного повествователя, кроме того, образы иностранцев (в романах «На ножах» и «Некуда») во многом обусловлены особенностями жанра антинигилистического романа; во-вторых, повести и рассказы 1860 – 1880-х гг., в которых иностранцы и инородцы не представлены как «чужие» («Интересные мужчины», «Томление духа», «Юдоль» и др.); в-третьих, поздние произведения Лескова, в которых образы иностранцев, как и другие особенности поэтики, подчинены дидактической идее проложного сказания («Дурачок», «Сказание о Федоре-христианине и Абраме-жидовине» и др.). Не рассматривается также рассказ «Владычный суд», достаточно хорошо изученный в лесковедении. Кроме того, в диссертации не анализируются публицистические статьи Лескова, посвященные иностранцам и инородцам («Еврей в России», «Русское общество в Париже», «Из одного дорожного дневника» и др.), так как изучение гражданской позиции Лескова по «национальному вопросу» не входит в задачи нашего исследования. Исключения составляют отдельные публицистические выступления писателя («Законные вреды», «Подмен виновных: Случай из остзейской юрисдикции» и др.), в которых проявляется восприятие иноземцев как «чужих».

**Предмет исследования** – оппозиция «своего» / «чужого» в произведениях Лескова, а также способы диалогического преодоления конфликта «своего» и «чужого» в тексте.

**Цель исследования** – изучение специфики проявления оппозиции «своего» / «чужого» и способов ее диалогического преодоления в повестях и рассказах Лескова об иностранцах и инородцах.

Для реализации цели требуется решение ряда более частных **задач**:

1. Рассмотреть современные подходы к изучению таких феноменов, как «этнический стереотип», «ментальность», «диалог» и «межкультурный



- диалог», и обосновать правомерность использования соответствующих понятий при анализе произведений Лескова об иностранцах и инородцах.
2. Проанализировать соотношение различных субъектов повествования (герой, рассказчик, повествователь) и реализаций автора текста (автор биографический, автор творящий, автор-исследователь) с ментальным уровнем сознания, для которого существенна оппозиция «своего» / «чужого»; выявить специфику изображения иностранцев как «чужих» в произведениях Лескова, определить связанные с ними мотивы и образы.
  3. Определить круг литературных и фольклорных источников произведений Лескова об иностранцах и инородцах, провести сравнительный анализ текстов Лескова и их источников, проанализировать особенности обработки Лесковым найденных источников (на примере рассказов «Ракушанский меламед», «Жидовская кувырколлегия», «На краю света», повести «Очарованный странник»).
  4. Изучить художественные приемы преодоления этнических стереотипов и разрешения конфликта «своего» и «чужого» в рассказах и повестях Лескова (на примере повестей и рассказов «Островитяне», «Жидовская кувырколлегия», «На краю света», «Очарованный странник», «Колыванский муж», «Железная воля»).

**Материалом исследования** являются повести и рассказы Лескова об иностранцах и инородцах («Язвительный», «Островитяне», «Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)», «Колыванский муж», «Очарованный странник», «Жидовская кувырколлегия», «Ракушанский меламед», «На краю света», «Железная воля»), а также их источники (письменные тексты, элементы которых используются в качестве материала художественного произведения), отдельные публицистические статьи и письма Лескова, связанные с проблематикой отношения к «чужому»; произведения русской и зарубежной литературы, философии и фольклористики, интертекстуально связанные с рассматриваемыми текстами Лескова. Впервые в научный оборот вводятся архивные материалы, связанные с делом Лескова в

Правительствующем Сенате (в связи с судебным преследованием Лескова со стороны Эстляндского оберландгерихта), а также работой Лескова в Ученом комитете Министерства народного просвещения.

**Теоретической и методологической базой исследования** являются принципы историко-литературного, мотивного и интертекстуального анализа произведений литературы и фольклора, а также методы изучения ментальности, разработанные историками школы «Анналов». В теоретическом плане для настоящего исследования необходимо также учитывать исследования феномена «чужого» в фольклористике и этнологии, изучение этнических стереотипов в этнопсихологии, философские и культурологические исследования проблемы диалога М. Бубера, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. С. Библиера, Б. Вальденфельса. В историко-литературном плане принципиальное значение для работы имеют труды о творчестве Лескова таких исследователей, как А. Л. Волынский, Б. М. Эйхенбаум, А. А. Горелов, И. В. Столярова, О. В. Евдокимова, И. П. Видуэцкая, Б. С. Дыханова, О. Е. Майорова.

**Основные положения диссертации, выносимые на защиту:**

1. В произведениях Лескова оппозиция «своего» / «чужого» выступает как категория традиционной ментальности.
2. Иноземец как «чужой» воспринимается рассказчиком и персонажами-простолюдинами. «Чужому» приписываются отрицательные качества в соответствии с противопоставлением «свое» (хорошее) / «чужое» (плохое). «Чужой» вызывает негативные ассоциации, не воспринимается как полноценный человек, представляется связанным с потусторонним миром и нечистой силой. «Чужое» пространство кажется опасным, враждебным и представляется царством смерти. Рассказчики и персонажи-простолюдины в произведениях Лескова воспринимают «чужое» недифференцированно, без учета этнокультурных особенностей, и наделяют представителей различных этносов одинаковыми отрицательными качествами.

3. Сопоставление произведений Лескова с их источниками показывает, что автор последовательно усиливал присутствовавшее в использованных им источниках негативное отношение к иностранцам и инородцам.
4. Анализ высказываний и публицистических статей Лескова, а также архивных материалов позволяет отметить автобиографические и автопсихологические черты образов рассказчиков и героев в произведениях Лескова об иностранцах и инородцах. Таким образом, ментальность является не только объектом, но и субъектом изображения.
5. В произведении сталкиваются разнонаправленные этнокультурные гетеростереотипы. Они отменяют категоричность и однозначность друг друга, но и не сливаются в нечто единое. Таким образом, в тексте создается пространство незавершенного диалога, где не совпадающие точки зрения взаимно отражают друг друга. Кроме того, символическое расширение образа «чужого» приводит к его сближению с образом исторически «своего», сферой ценностно значимого, близкого к святости. Металитературный план содержания повестей и рассказов Лескова обнаруживает исторически «чужое» в «своем» и демонстрирует неизбежность диалога культур в процессе создания художественного произведения.

**Научная новизна исследования** определяется полученными результатами.

В работе впервые выделен как единый предмет изучения комплекс произведений, в которых Лесков выступает как исследователь характерного для традиционной ментальности восприятия иноземцев и инородцев как «чужих»; данные произведения рассматриваются не с точки зрения идеологической проблематики, а в аспекте поэтики; впервые в лесковедении на материале данных произведений с содержательной стороны рассматривается проблема диалога в творчестве Лескова, а именно художественные приемы воплощения диалога «своего» и «чужого»; наконец, впервые анализируется (а в отношении некоторых текстов и впервые устанавливается) связь произведений Лескова об иностранцах и инородцах с их литературными и фольклорными источниками, а также с личностно-психологическими особенностями Лескова

как автора биографического. Результаты исследования дают также материал для изучения проявления ментальности в художественном тексте.

**Практическая значимость** данного исследования состоит в углублении имеющихся в настоящее время представлений об особенностях поэтики Лескова, в расширении круга литературных источников и претекстов произведений Лескова. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в работе над научной подготовкой Полного собрания сочинений Лескова (при составлении комментариев и выполнении атрибуции текстов, опубликованных при жизни Лескова без подписи автора), в дальнейшем изучении творчества писателя, при разработке курсов по истории русской литературы и спецкурсов, связанных с творчеством Лескова.

**Апробация основных положений и результатов исследования.** Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на следующих международных научных и научно-практических конференциях: «Санкт-Петербург, Северо-Запад и проблемы “открытой культуры”» (СПб., 2001); «Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета» (Орел, 2001); «Санкт-Петербург – полиэтничный мегаполис» (СПб., 2003); «Герменевтика в гуманитарном знании» (СПб., 2004); «Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы: Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения К. Д. Муратовой» (Орел, 2004); «Проблемы мировоззрения и творчества Н. С. Лескова» (Орел, 2005); «Н. С. Лесков и современность» (Москва, 2006); «Наследие Н. С. Лескова и проблемы литературоведения в изменяющейся России» (Орел, 2006); «XI Невские чтения: Язык и культура – основа общественной связности» (СПб., 2009); «XII Невские чтения: Смена парадигм в области гуманитарного знания» (СПб., 2010); «XIII Невские чтения: Коммуникация в условиях глобальной информатизации» (СПб., 2011). Результаты исследования представлены в 13 статьях.

**Структура диссертации.** Диссертационное исследование изложено на 226 страницах и состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, который включает 230 наименований.

### **Содержание работы**

Во **«Введении»** обосновывается актуальность и научная новизна темы диссертации, характеризуется степень изученности проблемы диалога «своего» и «чужого» в творчестве Лескова, формулируются цели и задачи работы, объясняется выбор материала, а также дается описание структуры диссертационного исследования.

В первой главе работы **«“Чужое” в произведениях Лескова: этнические стереотипы, их литературные и личностно-психологические источники»** анализируются особенности восприятия иностранцев и инородцев рассказчиками и персонажами Лескова, а также устанавливаются источники связанных с этими особенностями этнических стереотипов.

В § 1 **«Образ “чужого” в произведениях Н. С. Лескова как отражение ментальных установок сознания»** на основе анализа междисциплинарных понятий «этнический стереотип», «ментальность», а также содержания и исторических корней оппозиции «свое» / «чужое», с одной стороны, и различных высказываний писателя о задачах литературного творчества, с другой стороны, обосновывается стремление Лескова-писателя к художественному исследованию традиционной (сохранившейся со времен средневековья) ментальности. Как показывают публицистические статьи Лескова, одной из задач писателя он считал отражение в искусстве «массового материала». В различных статьях Лескова содержатся близкие школе «Анналов», изучающей ментальность, методологические установки, выражен интерес к средневековому сознанию, которое, по мнению писателя, сохранялось у русских «простолюдинов» до конца XIX в. В образе мыслей рассказчика (как это показано на примере рассказа «Ракушанский меламед») Лесков отразил тот комплекс представлений, который, согласно исследованиям

современных Лескову историков, был характерен для человека допетровской Руси. Одно из проявлений средневековой ментальности – неприязнь к «чужим», восприятие их сквозь призму этнических стереотипов – стало объектом художественного изображения в произведениях Лескова, которые для историков культуры (Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, О. В. Беловой) служат сегодня документальным источником, зафиксировавшим ментальные стереотипы восприятия «чужих».

**В § 2 «Этнические стереотипы в сознании рассказчиков и персонажей Лескова»** выявляется специфика изображения иностранцев и инородцев в исследуемых произведениях Лескова. Оппозиция «своего» / «чужого» создается в произведениях Лескова с помощью введения в текст особого субъекта речи – носителя ментальных установок сознания. Как правило, это рассказчик (реже – личный повествователь) и персонажи-простолюдины. Для средневековой ментальности, генетически связанной с мифологическим мышлением, «чужое», в противоположность «своему», было связано с нечеловеческим, звериным или демонским. Этот, наиболее архаичный комплекс характеристик «чужого» зафиксирован в произведениях Лескова.

Создавая ситуации столкновения (поединка, соперничества, подавления русских иноземцами), автор актуализирует в представлении героев (рассказчиков и персонажей) глубинное, скрытое, но активно управляющее поступками и механизмами сознания восприятие иноземца как «чужого». Отношение персонажей и рассказчиков к иностранцам и инородцам определяется неприязнью к «чужим», которые живут в пространстве-«наоборот» и обладают устойчивым набором отрицательных качеств. Основные противоположения «своих» «чужим» можно описать с помощью следующих оппозиций: связь с небесными силами / связь с нечистой силой; связь с миром живых / связь с царством смерти; священное / профанное; чистота / «нечистота»; простота / хитрость; широта души / мелочность и скупость.

В образах иностранцев и инородцев в произведениях Лескова воплощен не тот или иной «национальный характер», а представление о «чужом» в

ментальности. Как показывает сравнение характеристик иноземцев рассказчиками и персонажами Лескова с данными современных исследователей традиционной культуры, Лесков во многом этнографически точно описал признаки «чужого». Однако в произведениях Лескова можно выделить такие особенности восприятия «чужого», которые современными фольклористами и этнографами отмечаются редко или не отмечаются вовсе. Это представление о «язвительности» «чужих», присутствию у них «амбиции» (гордости), а также особое отношение рассказчиков и персонажей к «чужому» имени, которое представляется неполноценным, смешным, свободно заменяется каламбурами или другим «чужим» именем или используется как нарицательное.

**В § 3 «Массовая беллетристика, этнографическая литература и исторический анекдот как источники произведений Лескова об иностранцах и инородцах»** определяется круг литературных и фольклорных источников произведений Лескова о «чужих», проводится сравнительный анализ текстов Лескова и их источников, анализируются особенности обработки Лесковым найденных источников (на примере рассказов «Ракушанский меламед», «Жидовская кувырколлегия», «На краю света», повести «Очарованный странник»). Некоторые источники нами указаны впервые (исторический анекдот о попытке подкупа Мордвинова, произведения А. Ф. Погосского, рассказы о чудесном спасении в сибирской тундре). Используя в качестве источников для рассказов о евреях («Жидовская кувырколлегия», «Ракушанский меламед») анекдотические сообщения фольклорного и квазиэтнографического характера, Лесков перерабатывает их так, чтобы отрицательные и комические черты оказались более яркими и выпуклыми. В представлении рассказчиков о евреях автор заостренно усиливает тем самым противопоставление «свое» (хорошее) / «чужое» (плохое) и, с точки зрения рассказчиков, показывает евреев сугубо отрицательными персонажами, хитрыми, корыстными, суеверными, употребляющими негодную пищу и лишенными благочестия.

Лесков, составивший 36 рецензий на книги А. Ф. Погосского (для Ученого комитета Министерства народного просвещения), неоднократно использовал

произведения «военного Даля» в качестве источников, отразивших солдатское (и шире – народное) миропонимание и представивших образцы стилистически необработанной солдатской речи. В случае с рассказами Погосского отмечается та же особенность обработки исходного материала (в повести «Очарованный странник»): в произведении Лескова оппозиция «свое» / «чужое» усиливается, однако сознание субъекта речи (рассказчика) подчеркнуто дистанцировано от авторского.

Произведения массовой беллетристики (рассказы о чудесном спасении в сибирской тундре) и этнографической литературы (сочинения архиепископа Нила (Исааковича)) явились источниками для описания жизни сибирских инородцев в рассказе «На краю света». Архиепископ Нил не выразил в своих книгах столь явного негативизма по отношению к жителям Сибири и тех, связанных со средневековой ментальностью представлений по отношению к «чужим», которые приписал архиерею-рассказчику Лесков. Автор «На краю света» создал и особые условия, в которых могут актуализироваться ментальные установки по отношению к «чужим» и «чужому» пространству: рассказчик должен ночевать в сугробе с «дикарем», ему угрожает смерть от голода и холода. Однако при сходном развитии сюжета в произведениях массовой литературы (например, в статье «О великодушном поступке тунгуса», которую мы рассматриваем в качестве образца рассказов о спасении в сибирской тундре) сибирские инородцы не описаны как «чужие».

Сопоставление текста Лескова с обнаруженными опубликованными источниками показывает, что во всех случаях писатель усиливал негативизм по отношению к «чужому», придавая образам «чужих» отрицательные характеристики и черты неправдоподобия. В результате такой обработки материала источника противопоставление «своего» и «чужого» в произведениях Лескова предстает как более выраженное, заостренное.

**В §4 «Ментальные установки автора биографического как один из источников образов “чужих” в произведениях Лескова»** анализируется связь произведений Лескова об иностранцах и инородцах с личностно-психологическими особенностями Лескова как автора биографического. На



черты Лескова как автора биографического указывают передаваемые его современниками (в частности, А. И. Фаресовым) признания писателя об отношении к «еврейскому вопросу», отдельные неправомерно резкие и эмоциональные высказывания Лескова в публицистических статьях («Русские общественные заметки», «Подмен виновных: Случай из остзейской юрисдикции» и др.), а также материалы дела по жалобе Лескова в Правительствующий Сенат (РГИА), связанной с судебным преследованием писателя со стороны Эстляндского оберландгерихта. Очевидно, что в рассмотренных нами публицистических статьях, а также в действиях, вызвавших судебное преследование писателя, выразилось характерное для личности Лескова отношение к иностранцам и инородцам как к «чужим». Лесков как автор биографический, сознательно выступая за отказ от национальных предпочтений, христианское стремление к «братолюбию», ощущал в себе и придал своим героям характерное для ментального уровня сознания неприятие «чужого». Как показывает сравнение материалов дела Лескова, сообщений о нем в статье «Законные вреды» и особенностей построения конфликта в рассказе «Колыванский муж», в образе рассказчика проявились автопсихологические и автобиографические черты Лескова – автора биографического. Таким образом, ментальность является не только объектом, но и субъектом изображения.

Противоречие между идеологической позицией и ментальными установками по отношению к «чужим» у Лескова – автора биографического осознавалось самим писателем как один из «проклятых» вопросов и нашло выражение в создании особой повествовательной структуры текста, где разным уровням сознания Лескова соответствуют, с одной стороны, повествователь (представитель современного культурного сознания), а с другой стороны, рассказчик (носитель традиционного типа сознания, представляющего ментальный уровень коллективных страхов и фобий). Обращение к ментальности дает возможность писателю создать в произведении достаточно острый конфликт, основанный на оппозиции «своего»/ «чужого».

**Вторая глава диссертации «Диалогические приемы разрешения конфликта “своего” / “чужого” в произведениях Лескова»** посвящена анализу художественных приемов преодоления этнических стереотипов и разрешения конфликта «своего» и «чужого» в произведениях Лескова.

**В § 1 «Принцип диалогической дополнительности в творчестве Лескова»** анализируются предпосылки и проявления диалогичности в творчестве Лескова в целом. На основе анализа качественно-содержательного понимания диалога в философии XX в., основных положений теории диалога культур В. С. Библера, а также анализа отзывов о творчестве Лескова авторов Русского зарубежья делается вывод о сходстве мировосприятия Лескова и человека XX в., столкнувшегося с явлением диалога культур. Помимо этого, отмечаются и другие причины увлеченности Лескова проблемой диалога культур: личностно-психологические (маргинал, изгой в литературе, Лесков сочувствовал маргинальным группам в обществе – не только сектантам и чудакам, но и инородцам), социально-исторические (Лесков-публицист, сотрудничавший во многих газетах, ощущал всплеск ксенофобии в русском образованном обществе, проявившийся в газетных публикациях как отклик на войны второй половины XIX в., национально-освободительные движения, еврейские погромы) и собственно историко-литературные (Лесков-художник, с одной стороны, как последователь писателей-романтиков, сохранил их интерес к экзотическим странам и народам, с другой стороны, как автор нескольких антинигилистических романов, унаследовал определенные жанровые клише, одним из которых была националистическая идея).

Сопоставляя выводы немецкого философа Б. Вальденфельса об условиях возможности диалога «своего» и «чужого» в культуре и художественное творчество Лескова, часто переписывавшего совершенно противоположным образом однажды обработанный сюжет, мы рассматриваем различие в отношении к «своему» и «чужому» в соотносимых по фабуле произведениях («Очарованный странник» и «Совестный Данила»; «Юдоль» и «Язвительный»; «Очарованный странник» и «Дурачок»), а также в посвященных «еврейскому вопросу» статьях «Еврей в России» и «Религиозные обряды евреев», с одной

стороны, и рассказах «Ракушанский меламед» и «Жидовская кувырколлегия», с другой, как проявление принципа диалогичности в творчестве Лескова. Если в одних произведениях представлен взгляд «своих» на евреев, татар, англичан, то в других – представление «чужих» о русской культуре и русских. Таким образом, в рамках творчества Лескова в целом существует диалог «своего» и «чужого», поскольку односторонние представления русских об инородцах, иностранцах и, с другой стороны, иностранцев о русских находятся в диалогическом напряжении, не отменяя друг друга.

Оппозиция «свое» / «чужое», создающая основу конфликта в текстах Лескова об иностранцах и инородцах, художественно преодолевается с помощью различных приемов, связанных с диалогом «своего» и «чужого». Далее эти приемы рассматриваются на примере отдельных произведений.

**В § 2 «Герой на границе “своей” и “чужой” культуры (на примере повести “Островитяне”)**» рассматриваются особенности преодоления конфликта «своего» и «чужого» в одном из ранних (в ряду анализируемых в работе) произведений Лескова. Герои повести – петербургские немцы – показаны как персонажи, которые испытывают влияние двух культур, «своей» и «чужой», и поставлены автором перед проблемой выбора культурной идентичности. Герои «Островитян» воплощают собой четыре различных типа поведения человека в инокультурной среде: сепарацию (большинство василеостровских немцев), интеграцию (Фридрих Шульц), ассимиляцию (Мария Норк) и маргинализацию (Ида Норк). Проблема описания каждого из типов поведения эксплицирована в речи повествователя: поиск повествователем литературных, живописных и исторических аналогий для образа каждого из героев объективирован, сделан предметом изображения. Одной из функций такого «автокомментария» становится определение художественного потенциала персонажа. С помощью литературных аналогий автор подвергает анализу актуальность героя для современной литературы и для собственного творчества.

На основе анализа «автокомментария» мы определили, что Лескову наиболее интересен герой, выбирающий стратегию культурной интеграции,

находящийся на границе культур. Художественно культурная интеграция воплощается в соединении в одном персонаже этнических и культурных стереотипов «своего» и «чужого». С одной стороны, черты характера Шульца складываются в узнаваемый типаж «доброго немца», один из распространенных типажей персонажей-немцев в русской литературе 1820-1840-х гг. С другой стороны, Шулец, стремящийся во всем «русить», проявляет сходство с узнаваемыми «типами» русской литературы – Хлестакова и самодуров Островского. Соединение признаков «своего» и «чужого» в образе Шульца, с одной стороны, разрушает стереотипы (традиционный типажный немец не может хлестаковствовать и быть самодуром, русский тип самодура и Хлестакова, согласно сложившимся представлениям, не имеет в себе ничего немецкого), с другой же стороны демонстрирует диалогическое взаимодействие «своего» и «чужого», поскольку и «свое» и «чужое» оказываются художественно одинаково интересными в неожиданном взаимоотражении. В отличие от других героев повести, Шулец выступает как наиболее современный и художественно неоднозначный образ. Кроме того, соединение в одном герое традиционных немецких и традиционных русских черт создает возможности для скрытой полемики. Меценатство Строганова, некоторые русские обычаи хлебосольства и гостеприимства, типы Хлестакова и самодуров Островского – все это настолько близко василеостровскому немцу, что перестает казаться истинно русским и традиционным.

Вывод о том, что положение героя на границе культур наиболее интересно Лескову-художнику, подтверждается дальнейшим развитием лесковской прозы. Искривленные слова, соединяющие в себе русские и нерусские элементы, станут особенностью языка произведений Лескова, отличающей его от других писателей второй половины XIX в. и приближающей к стилистическим поискам авторов XX в. (прежде всего – футуристов).

**В § 3 «Символическое расширение образов “чужого” (на примере рассказов “На краю света” и “Жидовская кувырколлегия”)** рассматриваются смысловые трансформации образов «чужих» в ходе развития сюжета как способ преодоления оппозиции «своего» / «чужого».

Используемый нами мотивный анализ дает возможность показать, что оппозиция «свое» / «чужое» действует в рассказе «На краю света» как основа для возникновения поэтических ассоциаций и трансформаций. Два исходных противопоставления «свое» (древнерусское) / «чужое» (западное) и «свое» (русское) / «чужое» («дикарское») взаимодействуют в ходе развития рассказа. «Свои» (православные проповедники) превращаются в «чужих» (западных), а «дикарь», описанный как представитель многих культур, приобретает возможность дальнейшего смыслового расширения — и на символическом уровне рассказа становится подобным человеку Древней Руси, то есть исторически «своим». И, наконец, в финале, «чужое» (связанное с православными миссионерами) становится «своим» (древнерусским). Рассказчик-архиерей и его слушатели приблизились к «тайне» древнерусского сознания и древнерусской веры, и в этом, возможно, есть то «чудесное событие», которому посвящен рассказ Лескова.

Фольклорные, исторические и текстовые аллюзии, присутствующие в рассказе «Жидовская кувырколлегия», объединяются в несколько мотивных рядов («декабристский», «запорожский», «мифологический» и «эсхатологический»), привносят дополнительные смысловые оттенки в образы «чужих», и еврейская тема приобретает не столько общественно-злободневное, сколько расширительно-символическое звучание.

Использование в рассмотренных произведениях главным образом исторических аллюзий позволяет автору существенным образом трансформировать этнические стереотипы (сибирских инородцев и евреев), поскольку представления об историческом прошлом народа относятся к наиболее устойчивым составляющим этнического стереотипа. Образ «чужого», благодаря системе повторов, исторических аллюзий, сближается всякий раз со сферой ценностно значимого, близкого к святости (миром древнерусских иконописцев, декабристов, невинных жертв ритуальных казней эпохи средневековья, противников язычества, пророческих образов Апокалипсиса и самого Христа). Прием символического расширения у Лескова имеет диалогическую природу: подлинный диалог предполагает признание за вторым

участником диалога равного права на обладание ценностями и истиной. Кроме того, такой прием разрешения конфликта «своего» / «чужого» позволяет автору не только преодолеть ментальные установки сознания, негативизм по отношению к «чужому», но и поставить проблему подлинных ценностей, религиозной истины и пророческого смысла происходящих событий. Философский план содержания, намеченный в рассмотренных произведениях, в более явном виде присутствует в повести «Железная воля».

**В § 4 «Пространство интеркультуральности и философский план содержания в повести “Железная воля”»** рассматривается такой прием преодоления оппозиции «своего» / «чужого», как введение в текст разнонаправленных гетерокультурных стереотипов: представлений немцев о русских, русских о немцах, англичан о русских и русских об англичанах. Противоположно направленные отрицательные гетеростереотипы отменяют категоричность и однозначность друг друга, но при этом не сливаются в нечто единое. Таким образом, в тексте создается интеркультуральное пространство (*das Zwischen*, по теории Б. Вальденфельса), где не совпадающие три точки зрения взаимно отражают друг друга. Эта тональность незавершенного диалога существенна для философского плана содержания повести.

В тексте обнаруживаются идеи, близкие философии А. Шопенгауэра: представление о воле (в человеке и в мире) как основе, сущности жизни, о связи воли и страдания, о слепоте воли, о всеобщей несправедливости мира, соединении трагического и комического в судьбе человека. Главный герой произведения – иностранец, вызывавший у русских читателей второй половины XIX в. наиболее негативные эмоции и, кроме того, воплощавший собой человеческую волю (представление о воле немцев – распространенный стереотип того времени). Вызывая в читателе и в себе негативное отношение к герою, автор, возможно, выразил то отрицательное отношение к воле, которое было характерно для А. Шопенгауэра. Однако необходимость и возможность отрицания воли подвергается Лесковым сомнению, о чем говорит появление шекспировского мотива в повести. Столкновение в повести шекспировского и шопенгауэровского понимания воли и отказа от воли и дистанцирование автора

от того и другого соотносится на другом уровне текста с неприятием рассказчиком немцев и англичан. Незавершенный диалог несопадающих точек зрения (русских, немцев и англичан) в сознании рассказчика соответствуют на уровне автора незавершенному философско-религиозному диалогу трех мыслителей (Шекспира, Шопенгауэра и Лескова) – представителей трех различных европейских культур.

**В § 5 «Металитературный план произведения в повести “Очарованный странник” и рассказе “Колыванский муж» на основе анализа различных элементов интертекста выявляется и анализируется металитературный план содержания, который освещает конфликт «своего» и «чужого» с культурологической (а не политической или этнической) точки зрения.**

Отмеченные нами в повести «Очарованный странник» цитаты из произведений устного народного творчества и их связь с интерпретацией происхождения произведений фольклора в работах В. В. Стасова и А. Н. Веселовского сообщают произведению Лескова металитературный характер. «Очарованный странник» в этом отношении – художественная интерпретация русского фольклора. На сюжетном и стилистическом уровне повесть Лескова возвращает традиционные фольклорные формулы («богатырь») и образ традиционного фольклорного персонажа (богатыря) к их предполагаемым источникам – восточному фольклору, восточным языкам (этимология «богатырь» - «батырь») и восточной религиозной традиции. Однако Иван Флягин - «типический, простодушный, добрый русский богатырь» и «черноризец». В нем неразличимым образом слились русское и нерусское, как и в его рассказе соединились мотивы заимствованные и оригинальные. Если Лесков-публицист часто писал о необходимости различать «свое» и «чужое» в русской истории и культуре (в статьях «Край гибели», «Русские деятели в Остзейском крае», «Мелочи архиерейской жизни», «О русских именах» и др.), то в художественных произведениях писателя, очевидно, наблюдается иная тенденция. В произведениях с ярко выраженной металитературной направленностью Лесков показал, что в культуре часто

невозможно отделить «свое» от «чужого». Именно об этом – полемичная по отношению к концепции В. В. Стасова повесть «Очарованный странник».

В рассказе «Колыванский муж» в ходе анализа интертекстуальных связей текста с известными литературными мистификациями (Зеленогорской рукописью, немецкими «переводами» из Гафиза) и произведениями, возникшими под влиянием иной культуры (И. С. Тургенева, А. С. Пушкина), выявляется скрытая полемика с И. С. Тургеневым. Лесков проблематизирует принадлежность идейной основы романа Тургенева «Дворянское гнездо» русской традиции, указывает на ее немецкие корни. Металитературный план содержания позволяет переключить внимание читателя с референции (отнесенности к объектам внеязыковой действительности) на проблемы собственно литературы и художественного творчества. Таким образом, возможность диалогического преодоления конфликта «своего» и «чужого» в рассмотренных произведениях Лескова раскрывается в металитературном плане произведения.

Металитературный план содержания, присутствующий и в других произведениях Лескова об иностранцах и инородцах (например, в «Островитянах»), связан с проблемой возможности отражения в литературе (и шире – в сознании любого человека) только национальной культуры. Произведения Лескова указывают на связь русского фольклора и русской литературы XIX в., создавших основу для возникновения культурного мифа о русском национальном характере (русского богатыря и идеальной русской женщины), с инонациональными источниками. Фольклор и литература неизбежно выходят за границы русской ментальности, невозможны вне диалога с другими культурами.

В **«Заключении»** представлены основные **выводы**, полученные в ходе исследования.

Проведенный анализ показал, что используемые современными историками и культурологами понятия «ментальность», «этнический стереотип», «оппозиция “своего” / “чужого”» являются продуктивными для изучения и интерпретации произведений Лескова об иностранцах и инородцах. Эти



понятия позволяют более точно определить как предмет художественного интереса Лескова, так и существенные художественные особенности рассматриваемых произведений.

Писатель стремился к художественному исследованию русской ментальности, одно из проявлений которой – восприятие иноземцев как «чужих» и приписывание им отрицательных этнических стереотипов. Выразителями ментального типа сознания в произведениях Лескова оказываются прежде всего персонажи-простолюдины и рассказчик, в меньшей степени – личный повествователь.

Для изображенной Лесковым ментальности рассказчиков, относящихся к различным социальным слоям общества (морской офицер, крестьянин, архиерей, полковник, капитан, рабочий-оружейник), характерно деление пространства на «свое» (культурное), находящееся в центре мира, и «чужое» (некультурное), расположенное на окраине (там – «край света», его омывает «Твердиземное море»). Различные представители «чужих» имеют в восприятии рассказчиков и персонажей сходные признаки: «чужие» амбициозны, хитры, агрессивны, расчетливы, скупы, негибки и поэтому не вольны распоряжаться собой, не знают истинной веры, стремятся обмануть или завоевать. Как правило, их быт организован неправильно, они не соблюдают необходимых санитарных норм. Этот комплекс представлений во многих существенных чертах совпадает с тем набором характеристик, которые, согласно исследованиям фольклористов и этнографов, приписывались в традиционной культуре «чужим».

Анализ литературных источников произведений Лескова об иностранцах и инородцах (фольклорных анекдотов, этнографических описаний, текстов массовой литературы) показывает, что уже присутствовавшее в источниках ироническое отношение к иностранцам и инородцам Лесков последовательно усиливал до выражения открытого негативизма по отношению к «чужому». С одной стороны, это, очевидно, позволяло Лескову под маской рассказчика или персонажа выразить лично ему присущее неприятие «чужого». О том, что такое отношение к иностранцам было в определенные моменты свойственно Лескову,

свидетельствуют некоторые статьи писателя и воспоминания современников. С другой стороны, такое заостренное изображение отношения к «чужому» позволило писателю сделать художественный конфликт произведения гораздо более выразительным, чем в используемых им источниках.

В целом образ «чужого» в произведениях Лескова оказывается не только резко очерченным, но и обращенным к миру «своего», что проявляется в приписывании «чужим» захватнических планов («Железная воля»), стремления «чужестранностью пленить» («Левша»), навязать свои религиозные и бытовые традиции («Очарованный странник», «Колыванский муж»), а также в тех качествах, которые в произведениях Лескова отличают образ «чужого» от характерного для традиционной культуры «чужака», – наличии «амбиции» («Очарованный странник») и «язвительности» («Язвительный», «Колыванский муж»). Весь этот комплекс характеристик связан с диалогической природой столкновения «своего» и «чужого» в произведениях Лескова.

Диалогичность произведений Лескова об иностранцах и инородцах проявляется многопланово.

Во-первых, она создается темой произведения: Лесков изображает встречу, общение представителей различных культур. Герой произведения Лескова находится на границе культур, часто связан одновременно с двумя культурами (Иван Флягин, который почти превратился в татарина; Иван Сипачев, окончивший «свой курс немцем»; Фридрих Шульц, типичный немец, пытающийся во все «русить»). Автор показывает при этом различные стратегии поведения человека в инокультурной среде (в повести «Островитяне», например, показаны основные выделяемые современной кросс-культурной психологией стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция), ставит своего героя перед необходимостью выбора культурной идентичности.

Уже одно из первых произведений Лескова о судьбе человека в инокультурной среде (повесть «Островитяне») показало, что автору наиболее интересна с художественной точки зрения стратегия интеграции, воплощенная в образе василеостровского немца Фридриха Шульца, который соединяет

признаки «своего» и «чужого», черты «доброго немца» и признаки «типов» русской литературы (Хлестакова и самодура).

Во-вторых, повествовательная структура текста (беседа повествователя и рассказчика) отражает диалог двух типов сознания (ментального и культурного) и не дает возможности дать однозначную оценку отношения Лескова к евреям, немцам, англичанам, татарам, сибирским инородцам. Художественное творчество Лескова не было идеологически или политически обусловленным, тенденциозным. Писатель неоднократно заявлял о принципиальном несогласии ни с одним из направлений. Идея Лескова может быть обнаружена с помощью анализа поэтики произведения, и эта идея одинаково сложна как для автора, так и для читателя, поскольку она диалогична.

В-третьих, диалог «своего» и «чужого» создается в произведениях Лескова различными способами преодоления этноцентризма. Прежде всего это проявляется в преодолении стереотипа «чужого», изменении его основных составляющих (в частности, представления об историческом прошлом «чужого» народа). Образ «чужого» через систему словесных повторов и аллюзий получает необходимое смысловое расширение и на символическом уровне рассказа сближается с образом исторически «своего».

Появление в произведении Лескова неожиданных исторических аллюзий, сближающих сибирских инородцев с древнерусским человеком («На краю света»), евреев – с декабристами («Жидовская кувырколлегия»), показывает близость «чужих» к истине и даже святости. Такое восприятие «чужого», при котором признается его право на обладание истиной, является подлинно диалогическим.

В нашем исследовании мы рассмотрели также возникновение в художественных произведениях Лескова интеркультурального пространства (пространства межкультурного диалога), которое образуется в результате сопоставления двух видов этнических стереотипов: стереотипов «чужого» в сознании рассказчиков и стереотипов «своего» (русского) в сознании персонажей-иностранцев. При таком столкновении разнонаправленных

гетерокультурных стереотипов каждая из точек зрения оказывается не до конца справедливой и поэтому не является окончательной. Незавершенный диалог культур (в повести «Железная воля») соответствует незавершенному диалогу европейских мыслителей (Шекспира, Шопенгауэра и Лескова) – о соотношении воли и свободы в жизни человека.

Наконец, диалогичность рассматриваемых повестей и рассказов Лескова проявляется как интертекстуальность. Произведения Лескова об иностранцах и инородцах имеют металитературный план содержания, для которого характерны скрытая полемика, интерпретация, пародирование, связанные с претекстами (русскими былинами, духовными стихами и произведениями древнерусской письменности в связи с их анализом и оценкой в работах В. В. Стасова и А. Н. Веселовского, полемикой, вызванной теорией заимствования эпических сюжетов, полемикой среди историков о происхождении Руси, произведениями Тургенева, Пушкина, Шекспира, Лессинга и Шопенгауэра). Эти интертекстуальные связи позволяют, с одной стороны, увидеть исторически «чужое» в «своем», например немецкие источники сказок Пушкина и творчества Тургенева, восточные («татарские») корни русских былин, а с другой стороны, раскрывают авторскую рефлексивность о диалоге «своего» и «чужого» в художественном творчестве.

Если Лесков-публицист часто выступал за необходимость отличать «свое» от «чужого» в русской истории и культуре, то Лесков-художник обнаруживает тесную связь «своего» и «чужого», невозможность избежать влияния «чужого» – в фольклоре, литературе и религии.

В отношении ментальности как предмета художественного интереса Лескова можно, таким образом, сказать, что традиционная ментальность (включающая этнические стереотипы и негативизм по отношению к «чужому»), с одной стороны, изображается и, с другой стороны, преодолевается. Рассмотренные нами художественные приемы (создание «пограничных» образов, символическое расширение образа «чужого», создание пространства интеркультуральности, а также введение философского и металитературного плана содержания), имеющие диалогическую природу,

позволяют преодолеть не только ментальные стереотипы, но и другие формы «направленной узости», связанной с идеологией, политикой и культурными мифами. Однако диалогичность повестей и рассказов Лескова об иностранцах и инородцах проявляется и в том, что диалог двух типов сознания (ментального и культурного) не завершен, поэтому произведения Лескова оказываются довольно сложными и имеют неоднозначные трактовки.

Содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

**Публикации в журналах, рекомендованных ВАК:**

1. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Оппозиция «свое» / «чужое» в рассказе Н. С. Лескова «На краю света» // Русская литература. 2002. № 2. С. 174—185.
2. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Qui pro quo и «Подмен виновных»: металитературное и автобиографическое в рассказе Н. С. Лескова «Колыванский муж» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (12). С. 32 – 46.

**Другие публикации:**

3. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Исторические, фольклорные и текстовые аллюзии в рассказе Н. С. Лескова «Жидовская кувырколлегия» // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета: Материалы. Орел, 2001. Вып 1.: Н. С. Лесков. С. 190 – 197.
4. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Изображение немца в повести Н. С. Лескова «Железная воля» (1876) // Санкт-Петербург – полиэтничный мегаполис: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 61 – 63.
5. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Теория заимствования эпических сюжетов и повесть Н. С. Лескова «Очарованный странник» // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. Д. Муратовой, 21 – 25 сентября 2004 г. Орел, 2004. С. 87 – 91.

6. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Повесть Н. С. Лескова «Очарованный странник» и статьи В. В. Стасова о происхождении русских былин // Герменевтика в гуманитарном знании: Материалы международной научно-практической конференции, 21 – 23 апреля 2004 года. СПб., 2004. С. 208 – 211.
7. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Незавершенный диалог культур в повести Н. С. Лескова «Железная воля» // Sciences and humanities: Современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест. СПб., 2006. С. 67 – 81.
8. *Zavarzina (Danilova) N. You.* La figure de l'Allemand dans le récit de Leskov *Une Volonté de fer* // Nikolaï Leskov. / Пер. на франц. С. Bricaire. Paris, 2006. P. 254 – 261.
9. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Смысловые оппозиции в рассказе Н. С. Лескова «На краю света» // Новое о Лескове: Межвузовский сборник научных трудов. Йошкар-Ола, 2006. Вып. 2. С. 96 – 105.
10. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Н. С. Лесков и А. Ф. Погосский (К проблеме «Творчество Н. С. Лескова и массовая литература») // Лесковский сборник – 2007. Орел, 2007. (Ученые записки Орловского государственного университета). С. 233 – 239.
11. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Диалог культур и диалог книг в повести Н. С. Лескова «Островитяне» // Лесков Н. С. Островитяне. СПб., 2009. С. 5 – 28.
12. *Заварзина (Данилова) Н. Ю.* Творчество Н. С. Лескова в оценке критиков Русского зарубежья // Лесковский палимпсест: Материалы научной сессии «Х. Невские чтения». СПб., 2008. Вып. 11. С. 138 – 142.
13. *Данилова Н. Ю.* Творчество Н. С. Лескова в оценке русской церковной критики XIX – начала XX вв. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004 – 2007) / Под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибяева. СПб., 2009. С. 210 – 225.